

А. Ф. КОВАЛЕВ

ЗЕЛЕНОЕ И ЧЕРНОЕ

Документальная повесть

На исходе 30-х меня подхватил и унес в тюрьму чудовищный конвейер массовых, неисчисленных еще и сегодня репрессий.

Деревянные нары, называвшиеся в камерах «энкэвдистской периной», «дарили» по ночам жуткие сны. Таких невероятных фантазмагорий я не встречал ни в каких книгах, не видел ни на каких экранах. Ниспослать их, видно, может только тюрьма. И она не скупилась. Чудовищные потусторонние действия посылались словно бы для того, чтобы, открыв глаза, горестно подумать: явь, хоть и тюремная, все-таки менее ужасна...

То вдруг, заснув, очутишься в каком-то зловонном мрачном болоте, где на тебя из-за стволов деревьев-гигантов, кляца острыми обнаженными зубами, бросаются невиданные хищные звери, отдаленно напоминающие лошадей, а ты никак не можешь выбраться на своей обычной, доброй лошаденке на приветливо зеленеющий в просветах холм, где чистый воздух и теплый ветер... То, кажется, теряя последние силы, задыхаясь от тяжелого воздуха, выкарабкиваешься из тесной беспросветной норы. Вот, наконец, достиг высоченного и сумеречного, похожего на колодезный сруб коридора, отвесные стены которого угрожающе утыканы острыми железными шипами. Выбраться наверх можно только по этим страшным пикам. Лезешь. Шаг, другой, третий... Ран на босых ногах и голых руках все больше, исцарапан живот. Тело слабеет, в глазах желто-оранжевые круги. О небо, помоги удержаться, не дай сорваться вниз! Еще раз, задрвав кверху голову, отчаянно тянешься руками к новым шипам, переставляя окровавленные ноги по мученической лестнице... Последнее усилие, последний шаг — и ты на воле! Вокруг ярко цветут поля, летают над землей никому не подвластные птицы...

С тех пор 30-е годы как бы окрасились для меня в два цвета — зеленый и черный.

Путевка

Не знаю, как бы сложилась моя дальнейшая жизнь, может, хуже, а может, лучше, — если б к концу учебы в Витебском кооперативном техникуме какой-то неведомый мне человек «не положил на меня глаз» как на будущего преподавателя. Квалифицированных кадров, в том числе и такого профиля, везде остро не хватало, и меня, к неописуемой моей радости, направили в Ленинград. В кармане — техникумовский диплом плановика-экономиста и путевка Центросоюза для зачисления на высшие педагогические курсы. Вместе со мной ехали однокашники Андрей Басов и Степан Моргунов. Курсы готовили преподавателей для средних учебных заведений потребкооперации.

Приехав в Ленинград и приступив к занятиям, мы увидели в аудитории немало довольно солидных людей как по возрасту, так и по опыту работы. Наша троица по сравнению с ними выглядела очень молодой.

Лекции читали специалисты высокой квалификации. Кроме того, проводились консультации, семинары и собеседования. Преподаватели, не считаясь со временем, старались втиснуть в наши пока еще не очень-то обремененные знаниями головы как можно больше.

А. Ф. Ковалев — курсант артиллерийских курсов по переподготовке командно-политического состава. 1937 г., гор. Дорогобуж.

произошла иммобилизация моих умственных способностей, все мои мысли сосредоточились только на одном — как бы поесть. Желудок мой начинает, кажется, переваривать самого себя. Особенно реагирует на запах хлеба. Жду я, братцы, — вожделенно продолжал Вася, — той поры, когда будет вдоволь хлеба...

Упоминание о хлебе невольно воскрешает в мыслях деревенские детские годы, когда мать выпекала ржаной хлеб на дубовых или капустных листьях. Ароматный, вкусный. Как берегли этот хлеб, не позволяя упасть и крошке на пол!

В столовой неизменными блюдами были кислые щи или борщ с кониной, жидкое картофельное пюре, изредка готовился гуляш из той же конины. Мы шутя говорили, что гуляш вдвойне полезен — утоление аппетита и укрепление физических способностей челюстных мышц и зубов: конина была твердая, жесткая.

Взаимоотношения в общежитии складывались хорошо и просто: одна шумная бескорыстная семья. Посреди большой комнаты стоял дощатый длинный стол, с такими же длинными скамейками. У стен размещались железные койки, а больше всего — деревянные топчаны, без матрацев. Глеб Кулешов утешал нас словами:

— Оно даже, ребята, полезно такое ложе, чтобы не нежить свою плоть. Это нравственное самосовершенствование. Великий древнегреческий драматург Софокл спал только на таком ложе, оттого его трагедии были яркими и понятными...

Когда нужно было одеть более прилично одного человека, трое-четверо оставались в общежитии, одождая ему кто рубашку, кто туфли, кто брюки. Торжественные события отмечали шумно и весело на деньги, заработанные на железнодорожных вокзалах или в порту. В театр ходили по входным билетам, а больше всего без билетов — по «знакомству» с билетным контроле-

Из читального зала библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина уходили поздно вечером, как правило, последними. Стремилась не пропускать публичные лекции и доклады. Слушали выступления А. В. Луначарского, С. М. Кирова, писателя Корнея Чуковского. Здесь же я впервые увидел звуковую кинокартину — «Путевка в жизнь».

Учебный план был очень напряженным. Мы изучали диалектический и исторический материализм, экономику, организацию и технику советской торговли, народнохозяйственное планирование, финансы и кредит, историю кооперации, основы советского государства и права.

Занимались так называемым бригадным методом, который в то время был наиболее популярной формой обучения и который практиковался и в техникуме. Строго соблюдалось дружеское правило взаимной помощи с тем, чтобы не было в бригаде отстающих. Успех приходил через бессонные ночи и упорный труд.

— Я не могу сказать, что у меня кружится голова от успехов, нет, но она кружится, — говорил Вася Казаков, в прошлом беспризорник, воспитанник детского дома. — Перепутались в моей голове все индексы, нормативы, иммобилизация, кредит и финансы. И я чувствую, что у меня

ром, стоявшим у входных дверей. До конца первого действия тихонько сидели на галерке, а в антракте растворялись по свободным местам.

Самым ярким, самым впечатляющим было участие в демонстрациях в дни революционных праздников — Первое Мая и Октябрьской революции.

Колонны выходили на Дворцовую площадь. На высокой трибуне стоял Киров. Тысячи глаз устремлены в сторону этого человека — любимца народа. Своей внешностью он несколько не отличался от рабочего, был прост и доступен. В колонне демонстрантов только и слышно: «Смотрите, смотрите — Киров!» Сергей Миронович энергичным жестом руки приветствовал демонстрантов, от лица, от всей его фигуры как бы излучалось глубокое человеческое обаяние.

Мне посчастливилось слушать С. М. Кирова на собрании городского партийного актива, где он выступал с докладом об итогах XVII партконференции ВКП(б), на которой обсуждались вопросы работы промышленности и директивы по составлению второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

Раньше, на техникумовской скамье, я познакомился с его яркой, полной революционной романтики биографией. Удивление, восхищение, любовь — вот чувства, которые она вызывала. Сережа Костриков, лишившийся в детстве родителей и выросший в детском приюте, становится известнейшим большевиком, публицистом, крупным организатором социалистического строительства... Теперь я мог его видеть и слушать, о чем, помнится, не раз писал своим домашним. Тогда мне и в самом дурном сне не могла присниться грядущая трагедия: злодейское убийство любимца народа в декабре 1934 года. Убийство, которое потрясло буквально всю страну и следом за которым началась целая серия громких политических процессов над «зиновьевцами», «бухаринцами» и иными антипартийными блоками...

Во время учебы я начал пробовать свои силы на преподавательском поприще. Отзанимавшись на своих высших педагогических курсах, ехал на другие, рангом поменьше, — внутригородские. Там повышали свою квалификацию практические работники торговли: заведующие магазинами, товароведы, продавцы. Учились также те, кто, не имея никакой специальности, еще только собирался стать за прилавком.

Индустриализация промышленности и коллективизация сельского хозяйства расширяли внутренний рынок, увеличивали его емкость. Это, в свою очередь, подталкивало развитие системы торговли, и потребительская кооперация занимала в этой системе одно из главных мест. Первоочередной задачей было — обеспечить снабжение продуктами питания и промышленными товарами население городов, прежде всего важнейших промышленных центров. Организовывалась широкая сеть закрытых рабочих кооперативов, которая обеспечивала снабжение рабочих ведущих отраслей промышленности и новостроек. Открывались рабочие столовые, пекарни и подсобные хозяйства.

Для работы во всей этой, довольно широко разветвленной, системе потребительской кооперации и готовились на курсах кадры, где я проходил свое преподавательское крещение.

Мое материальное положение резко улучшилось. Получал и стипендию и зарплату. Радовался, что теперь могу больше помочь своей семье. У нас как раз родился второй сын — Валентин. В посылках я отправлял в Лошницу самое вкусное, самое необходимое для малыша. Хотелось порадовать и мать, сделать хорошее для жены.

Впереди вырисовывались захватывающие перспективы преподавательской работы в Ленинграде. Думалось, вот-вот удастся опериться, со мной будет семья, и тогда я самого бога возьму за бороду.

Закончилась учеба. Сданы выпускные экзамены. Аттестационная комиссия определила нашу специальность — «преподаватель в среднем учебном заведении потребительской кооперации».

Мне, как я и ожидал, предложили остаться в Ленинграде. Предстояло работать под руководством профессора Б. Н. Балабанова — исполнять обязанности ассистента. Своим назначением я был доволен. Работать, однако, пришлось недолго. Сырой, непривычный климат Северной Пальмиры стал причиной болезни — ревматизм, и по совету врачей пришлось покинуть Ленинград. Предлагали Иркутск, я же настоял на своем возвращении в Белоруссию. Дали назначение в родной Витебский кооперативный техникум, преподавателем.

Ленинград остался в памяти на всю жизнь. Здесь увидел величайшее творения русского и мирового искусства. Посещал музеи, Государственный Эрмитаж, исторические места, любовался архитектурными ансамблями. Все это обогащало, облагораживало душу.

Мне и моим землякам, Андрею Басову и Степану Моргунову, посчастливилось познакомиться с работником Русского музея, пожилым человеком, убежденным сединой. Нас привлекла в нем высокая интеллигентность, тонкое знание русской живописи. Знакомство произошло случайно: однажды мы напилили и накололи для его печки дров...

Кондрат Семенович учил нас «читать» картины. Он говорил:

— Картина — это та же симфония, это музыка. Смотреть ее надо так же, как слушать музыку или пение. Старайтесь войти в мир художника и его холста, — поучал нас Кондрат Семенович, — проникнуться чувством своего участия. Нужно смотреть, — говорил он, — картину целиком, отдаваясь непосредственному живому восприятию, ибо великие художники, создавая свои полотна, глубоко проникали в суть вещей, а не описывали их. Великий Репин говорил: «невозможно создать портрет, если смотреть на глаза, а не в глаза».

Не раз любовались мы Петергофскими фонтанами, этим величественным памятником победы России в Северной войне, обеспечившей нашей стране выход в Балтийское море. Могучая фигура Самсона, разрывающего пасть льва, — аллегория Полтавской победы над войсками шведов, приносивших русскому народу смерть и разорение в течение двадцати одного года войны.

Завораживало Адмиралтейство с его скульптурными рельефами — величайший архитектурный памятник, свидетельствующий о морском могуществе нашей Родины.

Ленинград — колыбель революции. Множество исторических мест связано здесь с именем В. И. Ленина.

Когдаходишь в здание музея революции, тобою овладевает необыкновенное чувство. Кажется, что вот-вот встретишь Ленина, здесь все говорит о нем.

— Вот матросы, красногвардейцы идут на штурм Зимнего дворца. Они мне близки, — говорил Вася Казаков. — Они мне знакомы, здесь мой отец, брат, и кажется, что и сам я где-то здесь...

И вот я снова в Витебске, в своем техникуме. Ступаю на профессиональную стезю педагога... Желанный и в то же время многообязывающий шаг. Ведь всего лишь несколько лет тому назад, в Лошнице, незадолго до поступления в этот техникум, при свете керосиновой лампы я просиживал ночи напролет, одолевая программу «рабфака на дому». Был тогда и такой рабфак. Те, кто занимался по его программе, получали методические пособия и соответствующую литературу. Днем работал в сельсовете, а вечером изучал математику, физику, историю. Иногда за книгой встречал и восход солнца.

В коллективе преподавателей я был самым молодым (28 лет).

Мой предмет «Экономика, организация и техника советской торговли» являлся профилирующей дисциплиной, тесно связанной с экономическими и товароведческими науками.

Преподавание — процесс тонкий, творческий. Нужно уметь увлечь слушателей, завоевать их уважение и внимание. Приказами и распоряжениями репутация педагога не создается, ее создает ваша скромность, собранность, сосредоточенность мышления, деловитость, верность слову, справедливость. Все это и многое другое мне предстояло наработать...

Мне дали отдельную комнату на третьем этаже студенческого общежития. Она имела отдельный ход со двора по наружной винтовой лестнице. По тем временам это было неплохое жилье.

Мебели сначала не было никакой, и приобрести ее было невозможно. И стол, и стулья заменяли ящики. Во временном пользовании находилась железная кровать. Отопление в доме было печное.

Со временем среди преподавателей у меня появились друзья. По вечерам, осенью и зимой, часто собирались у меня.

За окном чернела тьма, моросил дождь или шел снег. А в комнате было натоплено, тепло. На столе пел свою уютную песню медный самовар, купленный мною на Суражском рынке.

Преподаватель литературы Викентий Станиславович, он же руководи-

тель самодетельного хора техникума, ударял по струнам гитары, воспе-вал хвалу картошке:

Гарні, гарні бульбу з печы,
У торбачку ды за плечы,
У торбачку ды нясі, —
Скажаш дзякуй, як зьясі...

Меня не покидала забота о повышении своих знаний. Поступил в вечер-ный коммунистический университет. Объем изучаемых предметов был на уров-не дневного стационарного комвуза.

Техникум и комвуз подружили меня с ночной работой.

За стеной комнаты слышится сочный храп студентов. Уже далеко за полночь, не слышно уличного шума, трамваи ушли в парк. В такие часы хо-рошо мечтать, обдумывать, заниматься. Не велика беда, что на сон остается три-четыре часа. Молодость выдюжит...

Теперь со мной жила уже семья. Радостно и приятно прийти после трудово-го дня домой, в свою комнату, которая блещет чистотой и уютом. Сънишка Валя радостно встречает у порога: «Папа пришел! Папа пришел! Давай играть в самолет!» Высоко над головой поднимаю его на руках. Он, раскинув ручон-ки в стороны, довольно похоже гудит «под самолет», я кружу его по комнате, выполняя приемы «высшего пилотажа».

С приходом Марии и детей в мой не ахти какой уютный, с единственным подслеповатым окном угол разом вселилось теплое солнце любви и радости, он зазвенел родными голосами, по которым я так соскучился. Душа обрела то светлое равновесие, которое может подарить только своя семья. Полюби-ли Марусю мои друзья за ее душевность, общительный характер, за звонкий открытый смех. Всегда, когда они приходили, у нас царили непринужденность, дружеское взаимопонимание, возникали веселые розыгрыши.

Коллеги расспрашивали Марусю, недавно переехавшую из Лошницы, о новостях деревенской жизни, а иногда, узнав о ее любви к песне, просили спеть что-нибудь свое, для души.

— Что ж, могу попробовать, если поможете, — отвечала Маруся и, глянув на меня, — мол, подтягивай, муженек, семейным дуэтом не пропадем, — за-певала:

Люблю наш край — старонку гэту,
Дзе радзілася й расла,
Дзе першы раз пазнала шчасце,
Слязу нядолі праліла.

Любовь к песне передалась ей от отца. Василий Степанович, было это не-задолго до революции, ходил даже в церковный хор и был там за первого запевалу. Продолжалось это до тех пор, пока поп не услышал однажды, как мой будущий тесть, едучи на возу с сеном, на всю силу своего густого баса тя-нет: «Есть на Волге утёс...»

— Что ж это ты, Василий, у меня в церковном хоре поешь одно, а за сте-нами церковными совсем другое? Стеньку Разина проклял бог и царь, а ты хвалу ему возносишь! — напустился на него батюшка.

Рассорился Марусин отец с попом, в церковь больше не пошел, и хор распался...

Семья у Василия Степановича Сацукевича была большая — четыре сына, три дочери и невестки. И все с певучими голосами и душами. Их домашний хор знали во всем Гливино. Приходилось слушать его и мне, когда я ходил в это живописное село, вольно раскинувшееся на берегу Березины, за 15 кило-метров от моей Лошницы, — чтобы повидаться со своей невестой...

В семье Сацукевичей я узнал много чудесных белорусских песен. Пели там и вот эту, народную:

Як у полі вецер вее,
Мая доля ў госці едзе.
Дзе ж ты, доля, мая доля,
Дзе ж, доля, забарылася?

Ці ты ў полі жыта жала?
Ці ты ў лесе грыбы брала?
Ой, я ў лесе заблудзілася
Ды на цябе прызабылася...

Эта же задушевная, немного горестная песня не раз звучала и в нашей неказистой техникумовской квартире, на дружеских вечеринках...

В горкоме

Окончена трехлетняя учеба в вечернем коммунистическом университете. Сданы последние экзамены. По золотинкам, по крупичкам приобреталось педагогическое мастерство. По тому времени такая подготовка считалась уже достаточно основательной даже среди сведущих. Земляки же мои, когда проезжал в Лошницу проведать родных, звали меня, о чем до сих пор не могу вспоминать без улыбки, профессором.

— Да какой я вам, братцы, профессор! Простой преподаватель техникума, — приходилось разубеждать своих старых добрых соседей.

Наивных дядьков с их простодушной, чисто деревенской гордостью за «выбившегося в люди своего хлопча» разубедить было не так-то просто.

— Техникум ты закончил? Закончил. Это раз, — загибал заскорузлые пальцы на левой руке дед Максим. — Ленинградскую науку брал? Брал. Это два. Теперь уже вот и сам студентов учишь, а студентам, само собой понятно, лекции читают не иначе как профессора...

Про себя я о профессорской кафедре не мечтал, а вот институт по своей специальности закончить хотелось. Было ясно, что сегодняшним критериям учебного процесса ты еще вроде вполне соответствуешь, а что завтра? Время пролетит на вороных с насмешливыми бубенцами под дугой, и ты, если почивать на лаврах, окажешься на обочине своей же педагогической стези: придут более эрудированные, с вузовскими дипломами. Поступил на торгово-экономический факультет Всесоюзного заочного института советской торговли.

Коллеги, особенно те, кто был уже в годах, этот мой плотно сбитый ритм жизни «работа плюс учеба» одобряли.

— У вас сейчас золотая пора, — говорил Викентий Станиславович. — Знайте, дорогой: в жизни всё делается между двадцатью пятью годами и пятьюдесятью. — И, вздыхая, признавался: — Я вот свое золотое времечко для института не использовал — умчалось, не догнать...

Педагогическая стезя моя вскоре, однако, оборвалась. Последовал вызов в Витебский горком партии: мне предложили перейти сюда на работу. Престиж партийных органов был весьма высоким. Да и общественно-организаторская работа была по душе. Короче говоря, согласился безо всяких колебаний.

Сначала утвердили инструктором, немного позднее — заведующим отделом культуры и пропаганды.

Партийная организация Витебска насчитывала 2.149 членов партии, 985 кандидатов, 214 сочувствующих. В комсомольской организации было 7.300 человек.

В Витебске находилось девятнадцать учебных заведений с общим количеством учащихся 6.901 человек.

В моем ведении были также вопросы партийного образования, работа сети партийных школ и кружков на предприятиях и в учреждениях. Работало 170 различных школ партийного просвещения.

Период, о котором я пишу, относится к концу первой и началу второй пятилетки. Завершалась реконструкция народного хозяйства на основе новой техники. По всей стране и, конечно, у нас в Витебске росло и ширилось стахановское движение. Все это находило свое отражение в учебных планах политических школ и кружков. Занятия велись не только по общеполитическим темам. Рабочие и колхозники в массе своей оставались еще малограмотными, не такой уж редкостью были и совсем неграмотные люди. Поэтому преподавались также арифметика, популярная экономическая география, белорусский язык, который, кстати, был обязательным предметом для всех типов школ.

Состав руководителей партийных школ и кружков по уровню своей подготовки был слабым. С высшим и средним образованием среди пропагандистов были единицы. На этом поприще работали в большинстве своем грамотные рабочие. Они нуждались в постоянной теоретической и методической помощи. Приходилось налаживать для них систему обучения. Существовало три вида курсов. Так называемые низовые пропагандисты и пропагандисты среднего звена города, одни отдельно от других, занимались на двухмесячных курсах. А поскольку пригородного сельского района в Витебске тогда не существовало и в сферу деятельности горкома входила прилегающая сельская

зона, приходилось устраивать курсы и для колхозных пропагандистов.

Время от времени собирали на семинары в Минск и самих партийных работников. На них мы знакомились с теоретическими основами, как тогда писали, большевистской пропаганды, «заряжались» новой информацией.

В памяти остался один такой пятидневный семинар работников горкомов и райкомов, который проводился в ЦК КП(б)Б. Читали лекции кандидаты и доктора исторических, экономических и философских наук.

К концу работы семинара сообщили, что с нами встретится первый секретарь ЦК КП(б)Б Николай Федорович Гикало.

Выступил человек по виду совсем простой, только строгий, даже немного угрюмый. Его сосредоточенный взгляд через большие роговые очки поначалу приводил нас в смущение. Говорил он тихо, слова произносил не спеша, Через несколько минут первое впечатление неловкости исчезло.

— Говорите людям правду, не скрывая ничего и не приукрашивая, — советовал он. — Правдивость — одно из важнейших ленинских требований к партийной пропаганде. Не уходите от действительного положения, с которым сталкиваются люди в своей повседневной жизни, анализируйте эти трудности, рассказывайте, какие принимаются меры для их преодоления, чтобы люди видели и чувствовали, чем живет страна, какие задачи ставит партия.

На проблеме стахановского движения Николай Федорович остановился особо:

— Партийные организации должны возглавить это большое новаторское движение, не забывать о пропаганде передового опыта, о техническом обучении рабочих. Любому общественному строю нужен высококвалифицированный рабочий, нашему он нужен вдвойне. Ведь мы с вами бросили вызов старому миру...

Не могу не сказать еще об одном примечательном событии, к которому было надолго приковано все внимание партийной пропаганды. Событие это уже совсем из другого ряда.

В кабинет Журавлева, первого секретаря горкома, срочно были вызваны секретари заводских и фабричных парткомов, руководители учреждений культуры, а также работники аппарата горкома.

Иван Герасимович, сдвинув свои густые черные брови к переносице, задумчиво ходил по кабинету. На столе лежал большой пакет, из которого он на наших глазах вынул книгу.

— Вот, — сказал, — товарищи, книга, в которой изложены величайшие вопросы истории нашей партии. Здесь всесторонне освещается история зарождения большевистских организаций Закавказья. Автором этой выдающейся книги является Лаврентий Павлович Берия, друг и соратник великого Сталина.

— Берия в этой книге, — продолжал Журавлев, — талантливо показал истинных организаторов, создателей ленинско-искровских организаций в Закавказье. Есть указание тщательно изучать эту книгу в сети партийного просвещения, на предприятиях и в учреждениях, в учебных заведениях и комсомольских организациях...

Через день-другой был созван расширенный семинар пропагандистов, посвященный повсеместному изучению бериевского «труда».

Магазины книжной торговли, ларьки и киоски «Союзпечати» были переполнены пышно изданной книгой «К истории большевистских организаций Закавказья». По принудительному разнарядкам она распределялась по предприятиям, учреждениям и учебным заведениям.

Никто тогда не знал, а из знающих людей не осмеливался сказать, что этот «труд» Берии был грубой фальсификацией истории партии. Тех, кто являлся истинными организаторами большевистских организаций Закавказья, уже не было в живых, и в книге они, конечно, не упоминались. Оставшегося живого свидетеля, Авеля Сафроновича Енукидзе, активного организатора первых революционных марксистских кружков в Баку, уже устранили. В начале 1932 года он был ошельманован, снят с руководящего поста, а позднее арестован и осужден. Все это стало известно значительно позже, а в то время этот «труд» Берии упорно изучали как в «низах», так и в «верхах»...

Условия работы в горкоме партии были, без преувеличения, трудные. Малочисленный аппарат, помимо жизни города, занимался и сельским хозяйством в пределах сельского района. Обычного рабочего дня не хватало, работали до поздней ночи. Нередки были случаи, когда на двенадцать часов ночи назначалось заседание или совещание.

Первый секретарь, Журавлев Иван Герасимович, был человеком редкой трудоспособности. Его видели на заводах города и днем, и в ночные смены. Находил также время посещать квартиры рабочих. Тут, в семье, нужды и радости человека, считал, видны, как на ладони. Примеру первого следовали все сотрудники горкома.

Журавлев был невысокого роста. Темнорусые густые волосы с серебристым отливом на висках, ежистые усы, тронутые сединой. Сосредоточенный, несколько сутуловатый. Обладал легкой походкой. Был внимательным, требовательным, вместе с тем забойился о сотрудниках, в чем я убедился на собственном примере. Однажды он обратил внимание на мою худобу.

— Что-то не нравится мне ваш вид, — сказал он. — Как себя чувствуете?

— Почти отлично, Иван Герасимович, — бодро отвечал я.

— Что-то не видно этого «отлично». Шея, когда пришли к нам, была, помнится, не такая тонкая, да и плечи были как плечи, а теперь вон одни мослы торчат. Завтра же покажитесь врачу Леранцевичу.

— Не стоит беспокоиться, Иван Герасимович, должно быть, небольшое переутомление, пройдет, — засмущался я.

— Нет, уж, мил человек, я не позволю растрачивать «казенное имущество». Завтра непременно быть в клинике, я прослежу.

Леранцевич, Сергей Осипович, был известным врачом-терапевтом в Витебске. Он так и эдак прижимал свое ухо к моей груди, слушал стетоскопом, стучал пальцами, будто дятел носом по больному дереву. Все делал молча, а потом, вздыхая, изрек:

— Я вас направляю вот по этому адресу, с вами пойдет медсестра.

После обследования в туберкулезном диспансере выяснилось — туберкулез легких в стадии распада. Меня немедленно направили в санаторий туберкулезных больных «Сосновка», близ Витебска, сроком на три месяца.

В санатории оказалось много тяжелых больных. Смотреть на них было жалко и страшно. Бледные, с лихорадочным румянцем на щеках, со сверкающими возбужденными глазами, они, как тени, тихо передвигались по дорожкам между сосен или сидели на скамейках, глуховатыми силпыми голосами рассказывая друг другу о своем тяжелом недуге.

Не выдержав этой гнетущей атмосферы, сбежал из санатория.

Поселился в доме лесника Акима Гавриловича, недалеко от Витебска.

Усадьба его находилась прямо в лесу. На большой поляне стоял дом с надворными постройками. Тут же по-летнему ярко зеленел хорошо ухоженный огород, стояла пчелиная пасека. За огородом душисто розовел клевер. Молоко, сметана, масло, мед, мясо — все свежее, вкусное...

Журавлев, узнав о моем бегстве из санатория, был крайне недоволен. Встретив как-то меня в городе, заявил:

— Будем обсуждать на бюро.

Я объяснил причину ухода из санатория и просил его приехать к леснику — пусть убедится, что «санаторий» лесника лучше. Журавлев приехал. Походил по двору, побеседовал с лесником. Хмурое настроение сменилось на шутливо-ворчливое. На прощание сказал:

— Ну и дикарь!.. Как устроился!.. Что ж, поправляйся, беспокоить больше не буду...

Под конец срока я наведался к Леранцевичу.

— А знаете, ничего подобного, что было у вас раньше, я не нахожу. Это хорошо! — заключил он. — Надо только иметь в виду, что болезнь эта коварная, очень коварная. Соблюдайте строгий режим: пораньше ложитесь спать, постарайтесь наладить полноценное питание, почаще бывайте на свежем воздухе, не переутомляйтесь...

Советы, конечно, были полезные, но не все выполнимые. Чтобы снизить физические нагрузки, можно было, конечно, прервать учебу во Всесоюзном заочном институте советской торговли, что и пришлось сделать, хотя к тому времени я уже был на четвертом курсе. Прервал и, к сожалению, закончить институт потом так и не смог. Все остальное шло своим чередом. Горком был не тем местом, где можно беречь себя от переутомления. Но чувствовал я себя хорошо, и с новыми силами приступил к работе...

Между тем в стены горкома уже проникал, все больше давая о себе знать, вирус недоверия и подозрительности. За три года, с 1930-го по 1933-й, у нас сменилось несколько секретарей, что, конечно, очень отрицательно отразилось на состоянии работы всей парторганизации города.

В июле 1933 года состоялись городская партконференция. Сейчас всех ее перипетий и деталей я, конечно, не помню. Приведу лишь небольшую выдержку из решения конференции, которая сохранилась в архиве Института истории партии при ЦК КПБ: «Городская конференция отмечает, что Витебская парторганизация благодаря прежнему оппортунистическому, гнилолиберальному руководству парторганизацией (Судаков, Митьков, Кардошенко, Вензель) находилась в продолжение длительного периода времени в глубоком прорыве на всех участках социалистического строительства. ЦК КП(б)В сняло бывшее руководство за плохую работу: элементы семейственности, групповщина, сановно-барское отношение к работе, к нуждам и запросам рабочих масс, засоренность парторганизации гнилолиберальными элементами...»

Сменой секретарей организационные меры не закончились. Одновременно «перетрясались» методы, весь стиль работы аппарата. Весь новый состав горкома был распределен по предприятиям города. Мне выпала швейная фабрика «Знамя индустриализации».

«Ну-ка, солнце, ярче брызни!»

Фабрика, в самом названии которой отдалось эхо того многообещающего времени, переживала большие трудности, а на тогдашнем языке — «находилась в глубоком прорыве». Производство лихорадило чрезмерная текучесть рабочей силы, шаткая трудовая дисциплина, низкое качество продукции. Размеры брака и переделок были порой просто угрожающими. Оборудование часто простаивало, производительность труда падала.

Причин «прорыва» было много. Одна из них заключалась в разлаженности системы хозяйственного, профсоюзного и партийного руководства фабрикой. Впрочем, о какой системе, о какой перспективе могла идти речь, если администрация, задержанная пожарным латанием всех этих дыр, жила уже лишь бы день до вечера?

Как горкомовца, закрепленного за фабрикой, меня прежде всего беспокоило состояние ее парторганизации. Дело дошло до того, что многие коммунисты и комсомольцы стали опаздывать в свои смены и даже прогуливать.

Прежнее руководство заменили новым. Директором фабрики назначили Ивана Ивановича Колобкова, секретарем парткома избрали Боруха Шмуйловича Рожкинда. Был также переизбран председатель фабкома.

Я каждоедневно бывал на фабрике и настолько освоился, что меня уже считали своим...

В 1934 году на парторганизацию фабрики обрушилась беда — арестовали ее секретаря Б. Ш. Рожкинда. Ему было предъявлено обвинение в принадлежности к троцкистско-зиновьевской оппозиции.

Бюро горкома рекомендовало меня, и на партсобрании я был избран секретарем парткома фабрики. Заместителем стала Анна Игнатьевна Михайловская. В прошлом она была учительницей, работала также в политотделе МТС. Человек серьезный, вдумчивый, с организаторской жилкой. Секретарем комитета комсомола была Лида Бочанова. Инициативная, веселая, вездесущая, она умела организовать и собрание, и художественную самодеятельность, и спортивный праздник. Редактором газеты-многотиражки был Н. Казанский. Газета выходила 12 раз в месяц, тиражом 3.800 экземпляров.

Рабочих в то время было около шести тысяч человек. Парторганизация состояла из 280 членов и кандидатов партии, 80 человек сочувствующих. В комсомольской организации насчитывалось около четырехсот человек.

Хочу рассказать о первом собрании фабричной парторганизации, которое я проводил как новый секретарь парткома. Быть может, оно станет для современного читателя тем окном, через которое можно увидеть живые картины рабочих будней первой половины 30-х годов.

Участие коммунистов и комсомольцев в соцсоревновании, ударничестве и рационализации производства; наглядный учет показателей работы участков и цехов, а также каждого рабочего и работницы; создание хозрасчетных бригад; бытовые условия в цехах, где работает большинство женщин, — вот основные проблемы, которые я, помнится, старался проанализировать в своем докладе. Заканчивая, изложил перечень конкретных мер для осуществления всех этих первоочередных задач.

После моего доклада слово взял Колобков. Он проинформировал собрание о ближайших планах дирекции, направленных на выведение фабрики из порыва. Во всех цехах и отделах, отметил он, проходит значительное обновление административно-технического персонала, повышается его материальная и моральная ответственность за выполнение плана и качество швейных изделий. Фабрика испытывает нужду в специалистах высокой квалификации. Часть из них присылает «Белшвейобъединение», профессионализм отдельных придется повышать в системе внутрифабричного обучения. Городские власти, продолжал директор, в ближайшие два-три года обещают выделить для коллектива 50 квартир. Изыскиваются возможности для строительства рабочего общежития.

Начались выступления с мест. Острые, откровенные, страстные.

М. И. Маценко (отдел кадров) сообщила, что с фабрики ежемесячно уходят 140—150 человек. Восполнить такое количество людей очень трудно. Идут на фабрику неохотно.

— Я хочу сказать, почему к нам идут неохотно, — порывисто встал со стула рабочий В. Б. Прищепов. — Главные причины текучести — отсутствие квартир, малая зарплата, уравниловка, а еще удержание с рабочих полностью заработка за брак. Вот, например, у Шимановского было удержано по акту за брак больше, чем его заработок, он махнул рукой и ушел с фабрики. Закройщик Богунув также бросил работу. А почему брак? Потому что техническое обслуживание никудахтное...

В. Г. Калужская, работница цеха пальто, жаловалась, что вместо хлеба в ЗРК (закрытый рабочий кооператив) выдают рабочим муку. Получишь муку, а что с ней делать? Нет печей, нет дров. Пусть лучше выдают готовый хлеб...

(Здесь я, очевидно, должен пояснить, что это были за «выдачи». Да, основных продуктов в то время в свободной продаже не было. Их выдавали по карточкам.)

— В нашем ЗРК творятся безобразия, — возмущался рабочий закройного цеха Катъшев. — Хорошо только тем, кто там торгует. Заведующие магазинами занимаются самоснабжением. Пекутся, конечно, и о своих родственниках. Зав. магазином номер два по Ленинской улице, Гитлевич, ежедневно берет себе молоко, печенье, крупу. Завмаг Кутельман делает то же самое. В магазинах поэтому ничего нет, второй месяц ничего не дают рабочим.

Проблемы быта стояли очень остро.

Рабочая Маркович говорила:

— Столовая наша никудахтная, недостроенная. Все знают, что там должна быть подъемная машина, ее никак не могут установить, и рабочим приходится носить обеды с первого этажа на второй, в зал... Сейчас у нас организован стол для ударников. Обыкновенному рабочему дается одна порция картошки, а ударнику две порции. А если стать ударником кому не под силу?..

С первого дня работы на фабрике у меня сложились хорошие деловые отношения с директором Иваном Ивановичем Колобковым. Он был всего лишь, если не ошибаюсь, на пару лет старше меня. Родители Колобкова происходили из российской деревенской глубинки. Безземелье, нужда заставили их еще до революции перебраться в Петроград. Там и появился на свет будущий мой коллега, увеличив собой неисчислимую рать Иванов в России. Сначала учился в начальной школе, затем, следуя примеру отца, овладел портняжным ремеслом. Работал по найму у кустарей до 1919 года. Немного позднее вступил в ВКП(б) и добровольцем ушел на фронт. До 1926 года на территории Белоруссии служил в армии, окончил дивизионные курсы политсостава. Уволившись, остался здесь жить и работать. На минской швейной фабрике «Октябрь» прошел путь от рабочего до заместителя директора, а оттуда его выдвинули заместителем управляющего «Белшвейобъединения». В 1934 году Колобкова назначили директором на «Знамя индустриализации», где мы и встретились.

Иван Иванович был отличным специалистом швейного дела и незаурядным организатором производства. Его приход на фабрику вселил веру в успех не только, думаю, в меня — в весь коллектив.

Уже в том же, 1934 году удалось осуществить кое-какие технологические и организационные мероприятия для исправления той тяжелой ситуации, в которой оказалась фабрика. Заметно улучшались культурно-бытовые условия. Открыли, хотя и в приспособленном помещении, свой клуб, заведовать

которым стал Исаак Абезгауз, в прошлом артист эстрады. Оборудовали фабричный детский сад. За счет подсобного хозяйства улучшили продовольственное снабжение рабочих. Все это изменило социальный климат в коллективе, повысило производительность труда и качества продукции. Более того, удалось даже выполнить годовой план.

Как требовал дух и стиль тех лет, составили с Колобковым напыщенный, трескучий рапорт...

•Почта-телеграмма.

ГК КП(б)Б — Журавлеву

Горсовет — Аверину

Горпрофсовет — Ясько

Редакции газеты «Витебский пролетарий»

Силой социалистического соревнования бригад на право завоевания имени товарища Сталина, под непосредственным руководством и помощи ЦК КП(б)Б и ГК КП(б)Б, швейная фабрика «Знамя индустриализации» впервые за время своего существования досрочно выполнила 28 декабря в 23 часа годовой оперативный план.

Директор — Колобков

Партком — Ковалев

Фабком — Канер».

Чтобы лучше знать настроение рабочих, их потребности и интересы, на заводах и фабриках периодически проводились политдни. Определялась злободневная тема, собирались вопросы от рабочих.

Вот один из таких политдней. Тема «17 лет социалистического строительства СССР», докладчик — представитель ГК КП(б)Б Р. З. Фишман. Из огромной массы вопросов, собранных загодя, приведу самые характерные.

Почему в столовой постные обеды? Почему жакт не проводит ремонт квартир? Когда откроется парикмахерская фабрики? Почему до сих пор не делают тротуар с Больничной улицы до фабрики? Есть ли виды на покупку керосина без очереди? Почему не увеличивают нормы хлеба? В цехах нет питьевой воды, с кого спрос? О поджоге Рейхстага в Германии. Причины выхода Германии из Лиги Наций? Если Япония захватит КВЖД, будем ли с ней воевать? Как живут рабочие капиталистических стран? Как подготовлена наша молодежь к будущей войне? И т. д. и т. п.

На фабрике существовало правило обязательного посещения членами партийного комитета, директором и членами профсоюзного комитета квартир рабочих и служащих.

Рабочие с большим одобрением относились к этим визитам.

— Спасибо, что не брезгаете проведать рабочего человека. Вот сейчас вам покажу, как живет моя семья, — говорил Игнат Москалев. — Оно все как будто терпимо, только дети, видите, малые, а натопить комнату нечем. Берешь в сарае дрова в охалку и все поглядываешь, чтоб, значит, не переборщить, а то завтра совсем ничего не останется...

Были и такие квартиры, где из щелей ветер свищет, а с потолка течет. Принимались все возможные меры улучшения жилищных условий для этих семей.

Швейная промышленность — отрасль, как известно, женская. На фабрике было немало вдов, матерей-одиночек. На один свой заработок воспитать детей тяжело. В одних случаях таким семьям оказывалась материальная помощь через профсоюзный комитет, в других помогали получить им государственную помощь.

Кое-где, правда, мы были весьма нежелательными гостями. Некоторые наши работницы и рабочие занимались выполнением частных заказов на дому. Здесь можно было «опознать» и фурнитуру, и кусок материала с фабрики. От суетливого, беспокойного поведения хозяев, во взгляде которых можно было прочесть «ну и принесла вас нечистая сила», становилось неловко, разговор не клеился, хотя хозяину квартиры не делалось никаких замечаний...

Конечно, далеко не всем, кто нуждался, дирекция могла тут же помочь. Добра никогда не бывает в избытке. Но если даже оно приходило в каждую пятую или десятую семью, его становилось все-таки немного больше.

Долгое время наши рабочие ходили из цехов в столовую через фабричный двор. Зимой и осенью многие простуживались, болели. Хозяйственным способом построили тоннель, соединивший производственные цеха со столовой.

Приятным событием было открытие профилактория фабрики. Жаль только, что он был небольшой, а потому по врачебному заключению туда направлялись только передовые рабочие.

Душою комсомольской организации фабрики была Лида Бочанова. Неравнодушная, деятельная, с огоньком в характере, она имела репутацию истинного вожака молодежи.

На фабрике проводилась оживленная спортивно-физкультурная работа. Мне хорошо помнится, как партком помогал Лиде проводить велосипедный пробег Витебск — Минск.

Многие наши парни и девушки занимались в городском аэроклубе. Подшефная летная воинская часть дала клубу два планера, выделила инструктора.

Спортивный стадион был в городе неважный. На строительство же своего фабрика не имела средств. Решили оборудовать спортивно-палаточный городок. Разместился он на лесистом берегу реки Витьбы, неподалеку от города. На просторной поляне устроили сектора для прыжков и метателей, разместили беговую дорожку, установили турник и гимнастические брусья. Фабком профсоюза позаботился о столовой и буфете.

На открытие городка съехалась не только молодежь — присутствовали сотни рабочих с семьями. Было это весной. Вокруг густая сочная зелень. Пологий берег Витьбы залит ласковым солнечным теплом. Спортивные команды выстроились для торжественного парада. Начинается шествие сильных, жизнерадостных парней и девчат. Звучит дружно подхваченная песня, знакомая всем:

Ну-ка, солнце, ярче брызни,
Золотыми лучами обжигай!
Эй, товарищ, больше жизни!
Поспевай, не задерживай, шагай!

Чтобы тело и душа были молоды,
Были молоды, были молоды,
Ты не бойся ни жары и ни холода,
Закаляйся, как сталь!

На импровизированной концертной сцене выступали участники фабричной художественной самодеятельности, а также артисты Витебского драматического театра...

Устраивались военные игры и походы в противозапах. Изучали топографическую карту, учились ориентироваться на местности, проводили учебную стрельбу, метание гранат...

Спортивно-оздоровительный лагерь работал до поздней осени. Массовые выезды организовывались сюда в выходные дни, а многие отпускники проводили в городке даже весь свой отпуск. Спортом занимались, конечно, не все. Но большинство молодежи все-таки со спортом дружило.

Особенно популярной была программа «Готов к труду и обороне».

Рима

Директор фабрики, Иван Иванович Колобков, зайдя в партийный комитет, сообщил, что весь «треугольник» вызывают в горком партии по какому-то срочному делу.

В горкоме, когда мы пришли, было уже шумно от таких же «треугольников» с других предприятий города.

Иван Герасимович Журавлев обратился к собравшимся:

— На днях из Ленинграда в Витебск придет эшелон женщин. Я должен вам откровенно сказать, что это за люди, чтобы вы знали, с кем будете иметь дело. Приедут проститутки, аферистки, воровки..

Зал за бурлил. Раздались брезгливые вздохи, послышались слова разочарования.

— Их только Витебску и не хватало...

— Хлебнем лиха с этим контингентиком...

Журавлев, нетерпеливым постукиванием карандаша добившись тишины, продолжал:

— Думаю, что люди среди них будут разные. Как такие, кто с самого начала не хотел обременять себя нормальным человеческим трудом, а хотел сладкой жизни, так и те, кто не устоял перед трудностями, случайно оступился и сейчас горько об этом сожалеет. Все мы с вами по своему общественному долгу, просто по-людски должны понимать, что бывают драмы судьбы, жизнь прожить — не поле перейти. И вот эти люди оказались в тяжелом, удвительном положении. Они потеряли ориентировку в жизни, превратились в нетрудовой элемент. Их надо нам принять и приобщить к честному труду. Несмотря на то что они скатились в болото, оскудели духом, а праздность и безделье сделали их второй натурой, мы с вами должны полагать, что у них все же сохранилось что-то человеческое, а значит, еще не потеряна надежда на их исправление. Их нужно будет разместить по предприятиям, где преобладает женский труд...

Была организована встреча на вокзале. Перед вышедшими из вагонов женщинами выступили начальник политотдела Витебского железнодорожного узла, член бюро горкома Васильковский и председатель горпрофсовета Ясько.

На фабрику «Знамя индустриализации» разнаряживалось около двухсот человек. Здесь были женщины всех возрастов, от восемнадцати до тридцати пяти лет. Печать беспутного образа жизни была видна на лицах, в одежде и манерах многих из них. Обильно наложенная на щеки пудра не могла скрыть синеву под глазами. Не прибавляло гостям привлекательности и явно излишнее пристрастие к помаде. Некоторые из них вели себя нахально и грубо.

— Ах, какой красавчик! — обхватив рукой за шею Колобкова, с развязным смехом тараторила высокая, в прошлом, видно, красивая женщина. — Жаль только, что ты мне не подходишь, чуть бы больше росточек...

Вагоны контингента и — вагоны хлопот. С каждой женщиной надо было побеседовать, определить ей рабочее место, закрепив за опытной швеей.

Профсоюзному и комсомольскому комитетам пришлось заняться устройством быта приезжих. Большая часть ленинградок разместились в рабочем общежитии; коммунистки и комсомолки, имевшие более или менее неплохие квартиры, согласились поселить бездомных у себя.

Всеми мерами морального и материального поощрения, а в крайней необходимости и административным воздействием, добивались должного отношения к труду. Старались им доверять, это пробуждало в них ответную веру.

Приживались «вавилонские блудницы» на фабрике трудно.

— Что-то не ладится у меня с этими людьми, — жаловалась в парткоме Лида Бочанова. — Горюют мои комсомолки, которые у них за наставниц. Одну подопечная толкнула, другую обругала оскорбительными словами. Попробуй перевоспитаи их... А как хочется, чтобы они стали настоящими людьми! Со многими я говорила, убеждала. Некоторые слушают молча, вроде бы соглашались с моими словами, рассказывают о себе. Чувствуется, что хотят вылить свою горечь, накопленную на сердце за годы скитаний и унижений. Но есть несколько человек, к которым никак не подступишься. Особенно вызывающе держит себя одна, имя ее Рима. Она должна сейчас прийти сюда, я ее пригласила на беседу к вам. Особа эта еще молодая, ей всего двадцать два года.

Что же там за особа, из какого теста? — думал я, глядя на возбужденную и, казалось, растерянную Лиду, у которой всё всегда получалось, а тут вдруг...

Распросить толком ничего не успел. Дверь резко распахнулась.

— А, вот и Рима! Здравствуй, Рима! Садись, отдохни, небось устала на работе, — засуетилась Бочанова, обращаясь к девушке.

— Вы посмотрите, что сделалось с моими ногтями! — с ходу пустилась на нас в наступление Рима. — Поручили какую-то грязную работу, все ногти испортила, вот полюбуйтесь!.. — Протянула перед собой свою маленькую изящную руку: — Вот видите, не ногти — одни обрывки. Так их берегла, бывало, все любовалась моей рукой, а теперь что? Если б увидели друзья, они б меня засмеяли... К станку красотка стала...

— О ногтях печалиться вам сейчас не стоит, по этому жить можно. Главное — вернуть себе человеческое достоинство, — осторожно заметил я. — Решительнее расставайтесь со своим неудачным прошлым, дорожите жизнью...

Заправив под косынку плавным, округлым движением руки свои пышные русые волосы, гостья неожиданно разоткровенничалась.

— Да что жизнь... — говорила она. — Всякую жизнь я испробовала. Моя жизнь вроде как на болоте: станешь на кочку и опору под ногами почувст-

вуешь, солнце, зелень увидишь, дышать легче станет. Потом опять срываешься в грязь, в трясиину, которая затягивает все глубже и глубже. А жить хочется...

— Вот и мы хотим, чтобы ты не на болотной кочке стояла, а шла по чистой дороге, — сказала Бочанова. — Свою дружбу я тебе уже предлагала, ты отмахнулась... Не могу понять, что ты за человек?..

— Расскажи, пожалуйста, о своем отце, матери, — попросил я. — Ты, наверно, давно живешь сама по себе?..

— Что ж, — протяжно вздохнув, согласилась она, — расскажу.

Темно-синие глаза ее с длинными ресницами наполнились грустью.

— Родилась я в Ленинграде, — начала она, — наш дом стоял вблизи Финляндского вокзала. Отец, железнодорожный машинист, водил поезд, мать работала учительницей. Отец редко был дома, все в дороге. Всегда, когда возвращался с поездки, непременно привозил мне подарок. Мать моя была добрая, умная, настоящая интеллигентка. Она любила музыку, меня тоже учила музыке. Я с пяти лет начала играть на пианино. Получалось неплохо, меня хвалили. А когда папа получал отпуск, мы уезжали к Черному морю — на курорт. Ой, как там было хорошо!

Когда мне было двенадцать лет, мама умерла. Отец по-прежнему уезжал надолго, я дома одна, только тетя Фрося, квартирная наша соседка, меня навещала... А потом в нашей квартире появилась чужая женщина, папа ее привел, говорит, она тебе мамой будет. А какая она мне мама? Звала я ее тетя Настя. У нее дочка, моя ровесница. Папа сказал, что она будет моей сестрой, да ничего из этого не вышло. Никто не заменил мне мою маму, а названная сестра только обкрадывала и обижала вместе со своей матерью.

Терпела я долго, отцу жаловалась, да что толку? Он вечно в дороге, а я с ними каждый день дома, слушаю их упреки: «дармоедка, сидишь дома, работать бы пошла»... А я училась еще в школе и хотела закончить. Плакала я, плакала и, наконец, ушла из дому.

Приютила меня подружка. Отец ее был пьяницей. Напьется, ругается, с квартиры выгоняет. И тут мы уже не выдержали обе: пошли туда, где легче и веселее живется. Нам открылись тайны ночной жизни. Один вечерок с мужчинами в ресторане, второй в гостинице, третий еще где-нибудь... Оказалось, что таких, как мы с подружкой, много...

Не удивляйтесь, что так откровенно говорю. Все это сердцем пережито, теперь я равнодушна ко всему. И к своим похождениям тоже... Однажды в каком-то полуподвале меня подобрал стопор.

— А кто это такой — стопор? — тихим, осевшим от всего услышанного голосом спросила Бочанова.

— Господи, неужели ты никогда не слышала воровского жаргона? — искренне удивилась Рима и тут же, как мне показалось, с каким-то мстительным удовольствием сыпанула в нас с Лидой пестрым набором словечек из тех потайных подвалов «малины», через которые прошла. — Стопор, граждане вы мои хорошие, — это смелый грабитель, у него денег, как у вас тут канцелярских бумажек. Он мне подарил рыжикки... Ну, часы золотые... А еще бывают ширмачи, скокари, медвежатники... У девочек, которые с ними, тоже свои клички. Весело жилось, были и деньги, и вино, и песни, а у меня даже была любовь с одним ширмачом. Сначала он за меня чуть что — дрался, никого другого ко мне не подпускал. А потом проиграл меня в карты — в штос, вместе с рыжиками. С полгода я была под крыльшком у одного скокаря — квартирного вора. С ним тоже жилось неплохо — были и деньги, и барахло. Так бы и продолжались наши хорошие ночи, да потерял мой скокарь осторожность. В одной теплой компании на Невском нас зашухерила милиция. Он пошел в тюрьму, а меня кинули сюда, в ваш захолустный Витебск...

Закончив свой печальный рассказ, Рима рассеянно глянула в окно, за которым размеренно будничной жизнью шумели фабричные цехи, а потом с какой-то резко вспыхнувшей непримиримостью стала отбиваться от наших с Лидой поучений, о которых мы еще и подумывать не успели.

— Сейчас уговаривать станете! Труд... Совесть... Да они мне... — Рима воинственно махала руками, проглатывая какие-то свои злые слова. — Ну, если я не хочу трудиться? Нет у меня такого желания. Я хочу жить так, как мне нравится...

— Рима, что с вами? Вы будто из кипятка выскочили, — пытался успокоить я ее. — Обдумайте, прошу вас, свою жизнь еще раз. Вы еще такая молодая, и ваша судьба в ваших собственных руках...

Проходили дни, недели. Работала Рима спустя рукава, хотя по ней чувствовалось, что стоит ей только захотеть — отличная производственница получится. По вечерам ее стали видеть на железнодорожном вокзале, в ресторане...

Нашли мы адрес ее отца в Ленинграде, он приезжал в Витебск. Рима не пожелала даже с ним встретиться, исчезла из общежития, несколько дней не появлялась на работе. Ее находили, возвращали на фабрику. Напоследок украла вещи девушек, соседок по комнате, и скрылась навсегда...

Таких, как Рима, среди «ленинградок с эшелона» оказалось, к общему удивлению фабричного коллектива, сравнительно немного. Большинство все-таки воспрянуло духом. В труде они обрели людское доверие и уважение.

Ничто не может так «вылечить» оступившегося человека, как рабочий коллектив. Это ничем не заменимая жизненная школа.

Гости из Минска

Фабрика «Знамя индустриализации» была по тому времени одним из крупнейших предприятий швейной промышленности. Нас, как говорится, не забывало ни городское начальство, ни республиканское. Хорошо помню приезд председателя Центрального Исполнительного Комитета Александра Григорьевича Червякова.

Появился он для всех неожиданно, без всякого предупреждения. Поэтому со стороны дирекции фабрики не было никакой предварительной подготовки к встрече. Кстати, это было характерно для Червякова. Он не любил парадности, не терпел за собой длинных хвостов сопровождающих. Так было и в тот раз: никакой коротежа автомашин, никакой помпы. Вместе с ним были только секретарь горкома партии И. Г. Журавлев и председатель горисполкома С. К. Верба.

— Принимайте гостей! — с порога сказал Журавлев, войдя в комнату парткома.

Я тут же пригласил директора, председателя профсоюзного комитета и секретаря комитета комсомола. Александр Григорьевич приветливо, за руку поздоровался со всеми. Колобков коротко ознакомил с состоянием дел на фабрике.

— Пойдем в цеха, к рабочим, — сказал Червяков.

Около пяти часов пробыл он на фабрике. Его интересовало всё: условия труда, нормы выработки, заработок, качество изделий, соотношение размеров выпускаемых швейных изделий.

— Я часто захожу в магазины, — говорил Червяков, — и там почему-то много малоразмерных костюмов, пальто, брюк, рубашек. А вот одежды средних и больших размеров не хватает. У нас, по-моему, не так уж много щуплых и коротышек. Белорусы — народ рослый, крупный. Одевать их нужно красиво...

Зашли в цех телогреек.

— Вот этот товар очень нужен, и не только для рабочего человека или крестьянина. Телогрейку любит каждый. Какое количество изготавливается?.. — спросил он у начальника цеха.

Тот ответил.

— Если есть резервы материала и позволяющая мощность, увеличьте выпуск. Люди наши, сами знаете, зарабатывают сейчас немного. А дешевая фуфайка доступна каждому...

По тоннелю прошли из производственных цехов в столовую. Одобрительно отозвался, что так удобно сделано. Столовая и кухня также оставили у него хорошее впечатление. Затем посетил профилакторий.

На фабричном дворе состоялась встреча со швейниками первой смены, рабочий день которых только что закончился.

— В цехах вы мне задали много вопросов, — сказал председатель ЦИКа. — Постараюсь ответить, рассказать, чем живет наша республика, какие новые задачи ставятся правительством, что нового в международной жизни...

Говорил он просто, ясно, интересно. Из толпы раздавались новые вопросы. Отвечая на них, Александр Григорьевич выказывал и широту взгляда государственного руководителя, и знание чаяний рабочего человека...

Фабрика «Знамя индустриализации», как я уже говорил, шефствовала над воинской частью — авиабригадой. У нас сложились хорошие, дружеские

отношения. На фабрику много раз приезжал И. С. Гольцев, полковой комиссар. Выступал с докладами на собраниях, помогал нашей молодежи в развитии парашютного и планерного спорта. Не оставалась в долгу и фабрика. Наша художественная самодеятельность выступала на клубной сцене воинской части. Ни одно торжественное событие не проходило без взаимного участия.

В моей памяти осталось одно из таких торжественных событий. Авиабригада отмечала свой десятилетний юбилей. По этому случаю приехал командующий Белорусским военным округом Иероним Петрович Уборевич.

Уборевича я видел и раньше. В 1921—1922 годах он руководил боевыми действиями по ликвидации в Белоруссии банд Булак-Балаховича. В то время я был чоновцем, а ЧОН активно участвовал в борьбе с бандитизмом в Белоруссии. На этих тревожных путях-дорогах и приходилось мне встречаться с широко известным полководцем.

Через пятнадцать лет привелось опять увидеть этого прославленного командарма.

С нами, партийными, советскими и комсомольскими работниками, присутствующими здесь, Уборевич держался предельно просто. В то же время интересовали его, как я про себя смекнул, далеко не простые проблемы. У нас с Колобковым Уборевич спрашивал:

— Сколько потребуется времени, чтобы переключить, в случае необходимости, работу фабрики с гражданского пошива на пошив военного обмундирования?..

— Какое техническое оснащение фабрики и много ли ручного труда?.. Руководителям горкома и горисполкома Уборевич высказывал свою озабоченность, что трудно с жильем для размещения командно-политического состава в Витебске.

— Может быть, десяток квартир уступите? — спрашивал он председателя горсовета.

— Да что вы, Иероним Петрович, откуда у нас квартиры? Больше восьмидесяти процентов жителей живут в коммуналках, в большой тесноте, — отвечал тот.

— Ну, ну, — вмешался Журавлев. — Послушать тебя, так нам у них, военных, и казармы следовало бы взять под расселение жителей города. Армии помогать надо...

— К комсомолу у меня тоже есть вопросы, — сказал Уборевич, повернувшись в сторону секретаря горкома комсомола В. М. Рогожкина. — Как молодежь осуществляет лозунг «Готов к труду и обороне»? Много ли парней занимается парашютным спортом? Какие успехи? Устраиваются ли военные игры, походы?..

Беседа затянулась. А в зале уже раздалась танцевальная музыка.

— Ну, хватит нам о делах, идемте танцевать! — Уборевич резко встал из-за стола и направился в зал, где уже вальсировали пары. Закружился в вихре вальса и командарм. Его исключительной выправкой, красивыми движениями и тонким чувством музыки любовался, думаю, не один я.

Сын литовского крестьянина, он стал выдающимся полководцем, в 22 года уже командовал армией. С его именем был связан разгром англо-американских интервентов на Севере, деникинских дивизий в самом центре России и на юге, врангелевских войск в Северной Таврии и Донбассе и, наконец, банд Булак-Балаховича в Белоруссии. Это о нем с такой горячей симпатией писал Серго Орджоникидзе: «Он был энергичен, грамотен в военном деле, решителен. Что сделало его таким? Ответственность перед людьми, перед партией, которая ему доверяла, кристальная честность, истинная любовь к народу. Егор посылали всегда туда, где трудно. Ленин для него — самый высокий авторитет. С Уборевичем было легко и приятно работать. Уборевича все любили за доступность, хладнокровие в самые опасные моменты и, конечно, за заботу о бойцах».

Объявили, что всех просят к столу. Иероним Петрович отказался занять центральное место. Он сел за крайним столом, среди молодых летчиков-отличников. Подымались бокалы, произносились тосты. Когда командир части — Я. В. Смушкевич поднял бокал за командующего, Уборевич его остановил.

— Сегодня праздник наших авиаторов. За их успехи, за их здоровье! — предложил тост Уборевич.

Кто-то из женщин запел одну из самых популярных песен тех лет, которую подхватили все.

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии оплот...

Взоры присутствующих устремились в сторону Иеронима Петровича. Многие знали, что все, о чем поется, имеет к нему прямое отношение.

Чувствуя на себе людские взгляды, Иероним Петрович несколько смущенно, поправляя свое пенсне, пел вместе со всеми.

Уходя, Уборевич дружески пожал руки присутствующих. К горькому сожалению, он простился навсегда. Трагедии было суждено разыграться уже совсем скоро, о ней будет сказано немного ниже.

Фабрика и семья

Годы работы на фабрике, в ее большом рабочем коллективе, были для меня очень интересными, даже счастливыми. Там вся твоя работа, все думы, силы и знания поверяются соленой рабочей правдой.

Положение секретаря партийного комитета не дает права ни на какие послабления в работе и быту, с него спрос больше, чем с других. Поэтому нужно брать на себя больше, во все вмешиваться, жить интересами производства и человека из цеха.

Домой возвращался с большой радостью, с тем же бодрым чувством шел назавтра на фабрику.

Теперь моя семья из четырех человек имела уже две комнаты площадью тридцать два квадратных метра, в общей коммунальной квартире. Это было значительно лучше того угла в студенческом общежитии, где прожил долгое время.

Старшему нашему сыну, Валентину, было шесть лет, а Анатолию около года. Валентин был прилежным помощником матери в домашних делах и нянькой младшего брата. Он охотно ходил в магазин за хлебом, сахаром, солью. Его знали в магазине. Продавец, Берта Соломоновна, спрашивала:

— Ну, уважаемый покупатель, что же тебе мама поручила купить?

Ростом этот «уважаемый покупатель» был ниже прилавка. Вытирая рукавом назойливую мокроту своего носа, называл, что ему велели купить. Не было случая обсчета или обвеса. Мать его поощряла, позволяя покупать на мелочь от сдачи себе леденцов.

Однажды, январским, кажется, вечером я возвращался с работы домой. Мороз набирал силу, падал густой снег, порывистый ветер заметал дорогу. В этой снежной вьюге впереди себя я увидел движущийся комочек — шел маленький человек, руки у него были чем-то заняты, с ног до головы засыпан снегом. Поравнявшись с ним, узнал своего Вальку. В руке он нес сумку с хлебом, шапка-ушанка съехала на самые глаза.

— Как ты могла послать ребенка в такую погоду! — набросился я на жену.

— А что тут такого, — спокойно отвечала Мария, — сходил, купил хлеба, молодец! Пусть закаляется, хорошим человеком будет. Избалованные и изнеженные дети, любые прихоти которых удовлетворяются родителями, вырастают слабовольными эгоистами. Давно ли ты, как и я, из деревни? Неужели забыл, как там растут дети, как сам рос?..

Валентин не только был послушным в доме, он был верным в дружбе с ребятами. В нашем доме жил его ровесник Рува Хайкин, большой озорник и неистощимый изобретатель шумных игр. Больше всего увлекала детей «игра в Чапаева». Чапаевым, конечно, был сам Рува. Валентина он сделал своим ординарцем, Петькой. Приладив под носом усы из пакли, Рува скакал на «лихом коне» — на палке между ног, отдавая боевые распоряжения. Приближались «казаки», тоже на «ликих конях». Чапаев должен переплыть реку.

У сада, на дороге, мутнела громадная лужа — это и была «река Белая». Мой Валентин, сидя в канаве по пояс в воде, с каким-то обрубок дерева — «пулеметом», прикрывал переправу Чапаева.

— Куда ты залез? — сказал я, пытаюсь вытащить его из канавы.

— Тише, папа, тише! Я Петька-пулеметчик, пока Чапаев не переплывет,

я буду стрелять из пулемета по врагам.— И посыпалась языкатая пулеметная дробь — та-та-та-та-та. Чапаев-Рува устрасился лужи и велел своему ординарцу 'Нереплыть на тот берег. Валентин воспротивился, поднял крик:

— А ты разве не видел в кино, что через реку плыл сам Чапаев и даже кричал «врешь, не видишь!» — Деваться Руве было некуда — пришлось тоже лезть в лужу.

Я, когда выпадали свободные часы, вел своего Вальку на прогулку. Любимым местом для нас обоих был новый железобетонный мост через Двину. Его только что открыли для движения. С высоты моста в одну и другую сторону виднелась широкая река с заросшими кустарником берегами. Стоим у парапета, кидаем в воду камешки. За спинами у нас непрерывно цокают подковами лошади — гужевой транспорт был еще основным — и лишь изредка проскакивает автомашина. На железнодорожном вокзале, до которого минут десять ходьбы, раздаются сильные гудки паровозов.

На меня обрушивается целый град «почему?», «зачем?».

— Папа, почему река течет в ту сторону, а не в эту?

— Откуда лошадь взялась?

— Папа, самолет тяжелый?.. А почему он летит и не падает?

— А кто делает камни? Видишь, сколько их на берегу и какие они большие...

— Я решила пойти работать на швейную фабрику, — сказала однажды жена. — Ты там партийный начальник, и чтобы не было никаких кривотолков, я буду устраиваться сама и притом только в цех...

Определилась на работу в костюмный цех. За короткое время освоила несколько операций, стала заправской швеей.

Дома за хозяйина оставался Валентин. Он по-прежнему имел магазинное поручение, к которому добавилось теперь новое — отнести братика Толю в детские ясли. Отнести было не так-то просто. Малыш, не желая идти в ясли, не поддавался никаким уговорам, кричал, плакал, дрался. Не отступал от своего и Валя, которому в конце концов вынужден был подчиниться неугомонный детсадовец...

По сталинскому камертону

Даже теперь, в пору возвращения к естественным, нормальным формам жизни, когда в стране идет бескомпромиссная и крайне болезненная переоценка ценностей, всем еще хорошо известна традиция: соревноваться у заводских станков, в шахтах, на железных дорогах и т. п. в честь красных дат календаря и разного рода крупных общественно-политических событий. Какой-либо передовой производственный коллектив выступает с инициативой, принимая на себя «повышенные обязательства», а другие ее подхватывают и обещают досрочное выполнение плана, экономию ресурсов, повышение качества продукции и много других золотых гор...

Перестройка высветила лукавую показуху всех этих нескончаемых инициатив и начинаний, не приносящих сейчас уже никаких плодов, кроме горьких. В 30-е годы картина была иная. По стране прокатывались мощные волны честного ударничества и искреннего народного энтузиазма. Принадлежал к энтузиастам по вере и автор этих записок...

Слиставалась с календаря первая половина 1937 года. Близился XVI съезд Компартии Белоруссии. Наша швейная фабрика успешно справилась со своими социалистическими обязательствами, посвященными съезду, и городская партконференция избрала нас с Колобковым его делегатами.

Предстоящая поездка в Минск казалась мне добрым знаком, она радовала и окрыляла.

Городская делегация была небольшой — человек пятнадцать. Поехали ночным поездом, в плацкартном вагоне. Наутро были в Минске. Регистрация проходила в доме партийного актива, стоявшего на углу улиц Маркса и Энгельса. А разместились в старой, дореволюционной постройки гостинице, название которой выветрилось уже из памяти. Позднее на том месте, где она стояла, построили консерваторию. Минчанам эта улочка, прилегающая к площади Свободы, хорошо известна.

Открыли съезд в шесть часов пополудни. Такие, вечерние, начала большинства крупных совещаний, конференций и т. п. были традицией.

Прежде ни разу не бывавший на столь представительных форумах, я ко всему присматривался с живым интересом. Изучал состав президиума, тихо перешептывался с Колобковым по адресу тех, кого не узнавал, поглядывал по сторонам многолюдного зала. Стоял жаркий июнь. Одеты делегаты были легко и непритязательно. По рубашкам-косовороткам можно было узнать рабочих и селян, шерстяные френчи с отложными воротниками выдавали партийных и советских руководителей, а в костюмах и галстуках явились представители науки и творческой интеллигенции. Сидели в президиуме и зале десятки военных. На гимнастерках едва ли не у каждого поблескивали красной эмалью боевые ордена, заслуженные на полях гражданской войны, или кто-то из них, быть может, совсем недавно вернулся из республиканской Испании, где интернациональные бригады добровольцев давали бой набравшему силу фашизму.

Международная обстановка все более осложнялась. Будущее было неуверенным и тревожным.

Утверждена повестка дня съезда. Председательствующий предоставляет слово Василию Фомичу Шаранговичу, первому секретарю ЦК. Из президиума на трибуну, где установлена пара массивных квадратных микрофонов, энергичным шагом выходит молодой стройный мужчина. Продолговатое, непреклонно строгое лицо. Густой и, похоже, не очень послушный русский чуб. Под пиджаком, плотно облегающим крепкие плечи, белеет скромная рубашка с расстегнутым воротником-стойкой.

«Товарищи,— начал он свою вступительную речь, бегло глянув в сосредоточенно-пестрое многолюдье зала,— шестнадцатый съезд Коммунистической партии большевиков Белоруссии открывается в очень ответственный период для нашей страны. Съезд открывается после введения Сталинской Конституции...»*

Политический акцент, сделанный оратором, делегатам был более чем понятен. У всех еще была свежа в памяти широкая кампания пропаганды проекта Конституции, за которой, помимо того, что она сразу же становилась «Сталинской» и «великой», все более утверждалось еще одно, уже сугубо социально-политическое определение,— «конституция победившего социализма». Изю дня в день проект популяризировался в газетах, его в обязательном порядке обсуждали на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, в вузах и театрах...

Следом за Конституцией с трибуны зазвучали слова о Пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся на исходе февраля и в начале марта 1937 года, где с докладом и заключительным словом выступил Сталин. Доклад вождя, как и все остальное, написанное или произнесенное им, сразу же сделался знаменитым.

«Шестнадцатый съезд КП(б)Б,— продолжал Шарангович,— открывается после исторического февральского Пленума ЦК ВКП(б), после исторического доклада и заключительного слова товарища Сталина, который вооружил нашу партию, нашу страну, в том числе и КП(б)Б и весь белорусский народ, для борьбы за новые победы и новые успехи, для борьбы за социализм, для борьбы с врагами...»

Что же представляли собой выступления Сталина, дух и буква которых витали над съездом от его первого до последнего дня? И витали отнюдь небезобидно — они предreshали многие и многие человеческие судьбы, в том числе и самих делегатов. Приведу пару мест из выступлений Сталина, обретающих железную силу приказов. «Необходимо,— говорил он,— разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы все более и более ручным. Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу дает возможность оправиться для борьбы с Советской властью».

Доклад Сталина, который мне, как и любому другому партийному работнику, полагалось знать назубок, остро пронизывала мысль о необходимости повышения большевистской политической бдительности: «Теперь узловым вопросом для нас является не ликвидация технической отсталости наших кадров, ибо она в основном уже ликвидирована, а ликвидация политической

* Фрагменты вступительной речи В. Ф. Шаранговича, а также другие примеры, статистика и т. п., касающиеся XVI съезда КП(б)Б, цитируются по материалам республиканской газеты «Рабочий», июнь 1937 г. Прим. автора.

беспечности и политической доверчивости к вредителям, случайно заполучившим партийный билет».

Само собой разумеется, что и эта, и многие другие сталинские установки просто не могли не найти отражения на съезде. При этом отражать надо было и погуще, и покуче.

«Товарищи, мы должны помнить и ни на минуту не забывать предупреждения товарища Сталина о том, что мы находимся и работаем в капиталистическом окружении, — с тревогой и нарастающей обеспокоенностью в голосе говорил Шарангович, — помнить о непрерывной работе троцкистов, правых, националистов, этих японо-немецких и польских агентов, бандитов, диверсантов, шпионов и вредителей, этой фашистской нечисти. Фашизм готовит усиленными темпами войну против нас, и это особенно надо помнить нам, большевикам, и всему белорусскому народу, работающим на границе с фашистской Польшей».

На поприще партийной работы я уже не был новичком. Многое знал и ясно понимал. А кое о чем из недоступного для людей моего низенького шестка, конечно, догадывался. Не были, разумеется, для меня откровением и слова о капиталистическом окружении, троцкизме, вредительстве. При всем том, от заседания к заседанию, каждое из которых было плотно насыщено выступлениями партийных, советских и иных работников различного ранга, мозг мой все неотступнее сверлили неразрешимые сомнения. Что же случилось? Откуда у нас столько врагов? Какого они роду-племени и чего хотят? Какие ставят перед собой цели? Отмахнуться от собственных мыслей было все трудней и трудней, ибо не только вступительная речь Шаранговича и его последующий доклад буквально кишели шпионами и диверсантами — не меньше гневного пафоса обрушивали на них те, кому давалось слово для участия в прениях...

С полным текстом документа
можно ознакомиться в библиотеке